

время перемен

сара грузэн

время перемен

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)=44
Г90

Sara Gruen
FLYING CHANGES

Copyright © 2005 by Sara Gruen. This edition is published
by arrangement with Emma Sweeney Agency LLC
and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Л. Папилиной*

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Груэн, Сара.
Г90 **Время перемен / Сара Груэн ; [пер. с англ. Л. Папилиной]. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Мировой бестселлер).**

ISBN 978-5-699-78632-9

Двадцать лет прошло с того момента, как Аннемари получила травму на скачках, и с тех пор все в ее жизни пошло кувырком. У нее есть любимый мужчина, но он не спешит делать предложение. А годы идут, ей уже почти сорок, и она очень боится не успеть устроить личную жизнь. А тут еще Ева, дочь-подросток, собирается пойти по стопам матери, стать ученицей знаменитой олимпийской чемпионки и участвовать в опасных соревнованиях. Аннемари в растерянности. Она не хочет, чтобы дочь повторила ее ошибки, но понимает, что должна дать ей шанс самой выбрать судьбу.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)=44

ISBN 978-5-699-78632-9

© Папилина Л., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Как всегда, посвящается Бобу

Господь поймал пригоршню южного ветра, согрел своим дыханием и сотворил лошадь.

Бедуинская легенда.

Глава 1

Вздвогнув, как от удара, просыпаюсь и краткий миг все еще скачу верхом на Гарри. Гарри — моя эфемерная половинка, мой призрачный мальчик. Но в следующее мгновение веки вздрагивают и взгляд упирается в потолок. Я понимаю, что нахожусь не на спине Гарри, а лежу, свернувшись клубочком, под пуховым стеганым одеялом в холодной спальне в квартире, что расположена над конюшней, принадлежащей матери. Закрываю глаза и боюсь пошевелиться в надежде удержать видение и в этот раз все-таки уговорить Гарри не исчезать. Тщетно. Поводья, словно снег, тают в руках, и Гарри уносится галопом вдаль, неуловимый, как порыв ветра. Я замираю, прислушиваясь к затихающему в вечности стуку копыт.

Клянусь Всевышним, я отчетливо его слышу.

В последнее время Гарри с завидной регулярностью приходит ко мне во сне. Удивительно, ведь очень долго он избегал встречи. Многие годы после его гибели я умирала от тоски и ночью, крепко смежив веки, словно кадры киноплёнки, прокручивала в памяти образы Гарри. Вот он с гордо поднятой головой и раздувающимися ноздрями скачет кентером по лугу, потом, прядая ушами, настороженно вдыхает принесенные ветром запахи. Гарри выбрасывает вперед изумительной красоты ноги, как это делают американские верховые лошади... А я все ждала и надеялась пообщаться с Гарри хотя бы во сне.

Сара Труэн

Бесполезно. Несмотря на страстные мольбы и попытки удержать ускользающий образ, наступал критический момент, когда от меня уже ничего не зависело, и Гарри, или то, что от него осталось, в очередной раз исчезал в ином неведомом мире, куда мне не было доступа. Пару раз Гарри все-таки приснился, хотя я и не ждала, но сон превратился в кошмар с неизменно повторяющейся сценой его гибели, когда много лет назад он разбился до смерти, пытаюсь преодолеть препятствие.

Кошмары остались в прошлом, и теперь Гарри является ко мне совсем как живой, целый и невредимый. Только мне уже не восемнадцать, а тридцать девять. Иногда мы с ним скачем легким галопом по полю с колышущейся травой, а порой я стою рядом, и Гарри дышит мне в руку, приветствуя тихим ржаньем. Случается, мы даже преодолеваем одно за другим препятствия, и ничто не нарушает четкого ритма.

Минуло более двадцати лет, а образ Гарри ничуть не потускнел и занимает в моих снах такое же место, как некогда в жизни.

Наверное, психолог скажет, что Гарри все эти годы был рядом, но только сейчас я позволяю ему навещать меня во сне. Что я наконец достигла состояния, когда могу думать о нем без разрывающей сердце боли. Да, пожалуй, психолог сделал бы именно такой вывод. Однако утверждать не могу, потому что визит к психологу в мои планы не входит.

Правда, Мутти и Дэн настоятельно рекомендуют обратиться к нему за консультацией. Не возьму в толк, что натолкнуло дорогих мне людей на эту мысль, но оба раза их предложение вызывало в душе бурю возмущения, горькую обиду и злость. Я сразу же начинала мысленно проигрывать в памяти свои недавние поступки и слова, пытаюсь найти объяснение, почему окружающие считают меня чудачкой с большой дуриной. Однако позже, уединившись в спальне, где не было нужды обороняться от поползновений Мутти и Дэна, я вдруг обнаружила, что идея с посещением психолога меня явно заинтриговала. Разумеется,

Время перемен

не настолько, чтобы рассматривать ее всерьез, и все же эта мысль прочно засела в голове. И тут я задумалась, какое мнение сложилось бы у психолога о моей персоне, рискни я к нему обратиться. Не самое полезное занятие для человека, склонного к копанию в себе и детальному анализу происходящего. Только остановить этот процесс не в моих силах. Нельзя отделаться от идеи фикс и извлечь ее из сознания, словно застрявший осколок.

Поселившийся в душе псевдопсихолог нашел объяснение регулярным появлениям Гарри в моих снах: мне удалось найти его брата, и это способствовало заживлению старой раны. Однако вторая половинка души свято верит, что Гарри непонятным образом нашел-таки способ ко мне вернуться, дает свое благословение и ликует по поводу того, что его братец по кличке Восторг жив, здоров и живет безбедно в конюшне, что находится внизу.

Я со вздохом обнимаю подушку, а сердце переполняет нежность, как в мечтах о возлюбленном. Это чувство останется со мной на весь день, и я благодарна за такой бесценный дар.

Ежась от холода, торопливо натягиваю джинсы, свитер и стеганый жилет. С вечера окно осталось приоткрытым, и сейчас изо рта вырываются облачка пара. У двери на мгновение задерживаюсь и возвращаюсь к туалетному столику, чтобы пригладить щеткой всклокоченные после сна волосы. Потом приведу себя в приличный вид. Женщине, которой вот-вот стукнет сорок, нельзя, сорвавшись с кровати, нестись на улицу, не глянув в зеркало. Даже если точно знаешь, что никого не встретишь. Особенно когда имеешь шестнадцатилетнюю дочь, как моя Ева. Неухоженный вид матери повергает ее в уныние, и девочка утверждает, что в определенные моменты я похожа на кикимору болотную.

Только позавчера я вычистила щетку, но в ней опять полно волос. С треском выдираю спутанные клочья, словно открывается застежка на липучке. Придирчиво изучаю соотношение белокурых и седых волос. Слава богу, белокурых значительно больше! И все же подношу несколько

Сара Труэн

волосков к свету, чтобы окончательно убедиться, что не ошиблась. Потом, наклонившись к зеркалу, тщательно рассматриваю лицо и волосы, оценивая общее впечатление.

В следующее мгновение я уже торопливо спускаюсь по лестнице, стуча сапогами по деревянным ступенькам. В конюшне еще холоднее, чем в квартире. Помещение обогревается, но не до температуры, предназначенной для дома, потому что лошади выходят на улицу без попон, и мы не хотим испортить им зимнюю шерсть. Я растираю руки, пытаюсь согреться, и проскальзываю в комнату для отдыха, которая отапливается отдельно. Устанавливаю терморегулятор на семьдесят четыре градуса и завариваю кофе.

А теперь наступает очередь утреннего тонизирующего средства.

Три-четыре раза в неделю, свежая и бодрая после снов, в которых меня навещает Гарри, я езжу верхом на его брате Восторге. На других лошадях езжу днем, обычно во время уроков, так как считаю, что лучше один раз показать ученикам, что именно следует сделать, чем десять раз рассказать. Восторг в это время находится в деннике. С ним я общаюсь наедине, так как это нечто очень личное, не предназначенное для посторонних глаз.

И вовсе не я делаю из этого историю, как утверждает Мутти. Переполох поднимают совсем другие люди, и в результате я утрачиваю способность вести себя как нормальный человек. Понимаю, что попала в порочный круг, а как вырваться, не соображу. Разве могу я ездить верхом на Восторге, точно зная, что окружающие изо всех сил стараются выискать у меня признаки маниакальной одержимости? Что они анализируют каждый взгляд, каждое движение? Учитывая прошлогодний случай, их нельзя судить слишком строго, но как бы там ни было, ездить на Восторге в присутствии посторонних зрителей я не могу.

Исключением являются рабочие на конюшне. При их появлении я не тороплюсь спешиться и поскорее отвести Восторга в денник. А все потому, что у этих людей хвата-

Время перемен

ет деликатности и такта не заострять внимание на моей персоне и уважать личное пространство другого человека. Рабочие не делают вид, что меня не замечают, а просто, поприветствовав кивком, отправляются по своим делам и оставляют наедине с лошастью. В знак благодарности я всегда слежу, чтобы по утрам к их приезду в комнате для отдыха было тепло и на плите поджидал кофейник с горячим кофе.

Моя лошадь. Эти слова звучат так сладко, что на глаза сразу же наворачиваются слезы. Вопреки всеобщему мнению, я точно знаю, о какой лошади идет речь. Возможно, Восторг и является двойником своего неповторимого именитого брата, но нрав у него совсем другой. Не устаю удивляться, какие они разные под седлом, а вернее, непосредственно подо мной, так как я всегда езжу без седла и без потника.

Если спросите, почему, отвечу, что просто ленюсь седлать коня. Но причина кроется в другом и не имеет ничего общего с выработыванием красивой посадки. Хотя как инструктор я заставляю учеников регулярно тренироваться в езде на неоседланной лошади. На самом деле все объясняется очень просто: не хочу, чтобы между мной и лошастью находились посторонние предметы.

Колени и лодыжки плотно прижаты к теплomu мускулистому телу, руки, держащие поводья, чувствуют малейшее движение головы, и я угадываю все мысли Восторга. И чувствую себя очень умной. Да только Восторг умудряется прочесть мои мысли еще до того, как я успею подумать. Едва возникнет желание проехаться кентером, и Восторг уже выгибает дугой шею, подбирает задние ноги и, наклонившись вперед, скачет неторопливым плавным аллюром, предназначенным для арены, где проводятся соревнования по выездке. Этот аллюр выдает олимпийское прошлое лошади.

Я скачу на Восторге,веряя ему себя всю без остатка. Вверхом на этой лошади я становлюсь другим человеком. Откуда ни возьмись появляется уверенность и профес-

Сара Труэн

сионализм, все движения выполняются автоматически и в полной гармонии с великолепным животным, на спине которого я сижу. Спешившись, ощущаю переполняющую тело энергию, будто заново родилась. А теперь скажите, разве можно допустить, чтобы за этим священнодействием наблюдали чужие любопытные глаза? Все равно что заниматься любовью при свидетелях.

И вот сейчас я направляюсь к деннику, где уже ждет Восторг, а сердце в предвкушении встречи готово выпрыгнуть из груди.

Заворачиваю за угол и в замешательстве замираю при виде распахнутой двери. Не может быть! Вчера вечером я сама проверила всех лошадей. Осознав, что мне не померещилось и дверь в денник Восторга действительно открыта, срываюсь с места, но в следующее мгновение резко торможу и останавливаюсь как вкопанная.

Лучи восходящего солнца пробиваются через прутья решетки на окне, и столбы пыли клубятся в их холодном свете, словно сперматозоиды в чашке Петри. Но в деннике никого нет. Пусто.

Теряясь в догадках, верчу головой в разные стороны. Ворота, ведущие на улицу, закрыты, а значит, если дверь в деннике не закрыли на задвижку и Восторг непонятным образом умудрился выбраться наружу, он сейчас находится в конюшне. Только бы не добрался до бункера с кормом. Неумное воображение уже рисует распухшие воспаленные копыта и корчащееся в коликах тело лошади.

Я лечу к помещению, где находятся бункеры для подачи корма, но дверь туда заперта.

Ладно, причин для паники нет. Восторг вырвался на свободу, но, разумеется, не раздулся от обжорства и не повредил ноги.

В растерянности пробегаю по всем проходам и, обнаружив лошади, устремляюсь на манеж. Восторга там тоже нет. Прерывистое дыхание учащается, выдавая растущую панику. Я несусь стремглав по коридору, где хранится снаряжение. Не могу поверить, что Ева без разрешения

Время перемен

вывела Восторга на улицу, но других вариантов не остается.

Шлем, принадлежащий дочери, висит на крючке рядом с седлом. Вскрикнув от ужаса, прикрываю ладонью рот.

Восторга похитили! А что прикажете думать? Если ворота на улицу закрыты? Вот только...

Бегу к воротам, прислушиваясь на ходу к тихим, напоминающим икание звукам. Похоже, они вырываются у меня изо рта, хотя я ничего не чувствую. Однако другого источника шума поблизости нет.

На улице гаснет последняя теплившаяся в душе искорка надежды. Разумеется, рабочие не могли подъехать незаметно. И с какой стати им выводить из денника одного Восторга, а потом запирать ворота, оставив лошадь на улице?

В ужасе застываю на месте.

Надо сбросить оцепенение и срочно вызвать полицию. Только телефона нет под рукой. Я бегу к дому, где можно, по крайней мере, рассчитывать на поддержку Мутти.

Пыхтя, напрягаю почти сорокалетние ноги и взбираюсь на пригорок. На полдороге, среди мертвой тишины, откуда-то слева раздается стук копыт, отдающийся громовыми ударами в голове. Я останавливаюсь и поворачиваюсь на звук, вглядываясь в два поля, где порядочной лошади просто нечего делать. Оба поля мы оставляем на осень под покос, чтобы сэкономить на покупке сена. Дает о себе знать скупость Мутти, над которой я потешалась, но недолго, когда намеревалась взять бразды правления конюшной в свои руки.

Сейчас, в конце марта, порыжевшая стерня скорее похожа на солому, превратившуюся в слегка тронутую морозом, придавленную снегом, плоскую узорчатую ткань. Правда, сам снег уже сошел, но земля еще остается промерзшей. Гулкие удары копыт отбивают четырехтактный ритм галопа и становятся все громче благодаря слегка вогнутой поверхности поля. Они раздаются со всех сторон, но источника не видно. Я вообще не могу ни черта разглядеть,

Сара Труэн

так как рваные клочья тумана и спустившиеся на отдых низкие облака скрывают поле.

Затаив дыхание, всматриваюсь и изо всех сил стараюсь не моргать. В конце концов, знакомый звук рано или поздно должен материализоваться в лошадь. Бац! Из густого облака выплывает кентавр! Вернее, моя дочь верхом на моей лошади, без седла и без шлема! От природы белокурые, но в данный момент иссиня-черные волосы Евы развеваются за спиной. Округлив плечи, она погоняет Восторга и несется галопом во весь опор, будто следом гонится орда диких кочевников. Похоже, она не замечает только что побеленного деревянного забора, которым огорожено наше пастбище, и скачет прямо на него.

Душа уходит в пятки, и сердце останавливается. Не могу ни дышать, ни кричать.

«Ева, опомнись и посмотри на забор», — мысленно умоляю я. Ради всех святых, пусть она увидит проклятый забор! Ну же, Ева!

В следующее мгновение меня осеняет: Ева прекрасно видит забор, смотрит прямо на него, так же как и Восторг. Моя дочь намерена с галопа преодолеть преграду на неоседланной семнадцатилетней лошади, у которой всего один глаз.

Словно в замедленной съемке, предвещающей катастрофу, перебираю в уме всевозможные варианты. Восторг выбросит передние ноги, выпрямит колени и с грохотом врежется грудью в деревянное ограждение, которое затрептит по всем швам. Удар будет страшным, и Ева, перелетев через голову лошади и через забор, рухнет на землю. Тело покорежит, как алюминиевую консервную банку, и даже если дочь выживет, все равно получит ужасные травмы головы и позвоночника. Расколотые доски не выдержат тяжести лошади, и Восторг их проломит, а острые щепки вонзятся в грудь, подобно бандерильям, поразившим несчастного быка. А потом огромная туша в пятьсот килограммов рухнет на хрупкую Еву и раздавит в лепешку грудную клетку, легкие и все остальное.

Время перемен

Или же Восторг попытается преодолеть препятствие высотой в четыре фута, и тогда дочь все равно вылетит из седла. Отдать должное Еве, посадка у нее потрясающая, только она уже не имеет значения, если несешься карьером на неоседланной лошади, а впереди изгородь высотой в четыре фута. Здесь очень важно, куда она упадет. Если Еву выбьет из седла в момент, когда ноги лошади оторвутся от земли, она отлетит в сторону и Восторг ее не придавит. Такой исход самый благоприятный. Разумеется, без травм не обойтись, но речь пойдет о переломе ноги, руки или ключицы, и, по крайней мере, дочь не свернет себе шею.

Тем временем Восторг со всадницей на спине, не замедляя хода, несется к забору, а у меня в голове мелькает очередная жуткая мысль. Допустим, они преодолеют препятствие, но не сумеют удачно приземлиться. Восторг, коснувшись передними ногами промерзшей почвы, не сможет найти опору и поскользнется. Раздастся треск переломанных костей, и у Евы не останется надежды на жизнь. Она перелетит через плечо лошади со скоростью тридцать миль в час и ударится головой о землю. Именно так произошло со мной и Гарри на последних соревнованиях.

В отчаянии от собственного бессилия я прижимаю руки к щекам.

Восторг вскидывает голову, а потом опускает ее на грудь. Ноздри лошади раздуваются, уши настороженно подняты.

Я напрягаю все силы, пытаюсь передать ему свою мысль: «Не надо, Восторг! Понимаю, дружок, она приказывает, но ты не слушай, остановись!»

Бесполезно! Ева работает руками, как вышедший на финишную прямую жокей. Сильные молодые ноги обхватывают грудную клетку лошади. До забора остается около двадцати футов, я издаю тихий стон, не зная, как лучше поступить: то ли отвернуться и зажмурить глаза, то ли набраться сил и досмотреть жуткое зрелище до конца. В этот момент Ева неожиданно поворачивает голову и видит меня. Она отклоняется назад, резким рывком от-

Сара Труэн

водит Восторга влево, а затем, вскинув вверх руку, издает победный клич. Повинуясь воле наездницы, Восторг переходит на кентер, а потом на рысь. Ева покачивается в такт движениям неоседланной лошади, и я невольно люблюсь ее выправкой, а сердце все никак не может успокоиться и рвется вон из груди.

— Привет, ма. — Ева останавливает лошадь прямо передо мной. — Что стряслось? — Ноздри Восторга трепещут, грудная клетка раздувается, как кузнечные мехи, а бока покрыты клочьями пены.

Я не отрываясь смотрю на дочь, бессильно хватая ртом воздух. Усилием воли стараюсь устоять на ватных ногах и сохранить вертикальное положение.

— Тебе плохо? — Ева наклоняется, всматриваясь в мое лицо. — Отвратительно выглядишь. Похоже, даже причесться не удосужилась.

Проходит еще несколько секунд, прежде чем ко мне возвращается дар речи.

— Ева, ты что вытворяешь?

— Ха, езжу верхом! Разве не видно?

От пережитого потрясения слова застревают в горле.

— Слезай с лошади, — выдавливаю я наконец.

— Что?

— Немедленно слезай!

За долю секунды лицо дочери меняется и вместо настороженного удивления выражает глухую враждебность. Брови презрительно приподняты, губы плотно сжаты. Ева перебрасывает правую ногу через спину лошади и соскакивает вниз. Во время этих действий она умышленно не смотрит в мою сторону.

Я закрываю глаза и стараюсь успокоиться, а когда набираюсь мужества взглянуть на дочь, вижу, что поводья переброшены через голову Восторга, и Ева сосредоточенно разглаживает его челку.

— Не понимаю, чего ты бесишься? — небрежно бросает она.

Время перемен

— Ты ездил верхом без шлема, на неоседланной лошади! — взрываюсь я. — Неслась во весь опор к забору по промерзшей земле! Забыла, что у Восторга всего один глаз?

— И что из этого следует? — с невозмутимым видом вопрошает Ева и, прищелкнув языком, направляется к воротам. Восторг, тяжело дыша, идет рядом.

— То есть как это что?! — не верю я собственным ушам.

Я нахожусь с противоположной стороны и стараюсь идти в ногу с дочерью и Восторгом. Нервно заглядываю между досок, придирчиво изучая ноги Восторга. Следов хромоты не видно. Слава богу, и Ева и лошадь целы и невредимы, но голова по-прежнему идет кругом и дышится тяжело. В организме бушует адреналин...

— Не возьму в толк, с чего ты так разошлась, — недоумевает Ева, останавливаясь возле ворот. — Я все время езжу без седла. Наверное, надо было надеть шлем, но ведь я не собиралась прыгать через барьеры.

— Нет, собиралась. Не ври.

Ловкими пальцами дочь открывает ворота и толкает створку ко мне. Я ловлю ее и придерживаю, дожидаясь, пока Ева заведет лошадь внутрь, а потом закрываю. Некоторое время вожусь с цепочкой, а Ева уже направляется к конюшне.

— Ева, будь добра, подожди!

Однако дочь, будто обращаются вовсе не к ней, идет дальше, даже ни разу не оглянувшись.

Ненавижу, когда она ведет себя подобным образом. Человек, плетущийся сзади, не может стать хозяином положения, и Еве это отлично известно. Так что действует она продуманно. Я роняю цепочку, с которой заочневшие пальцы все равно не в состоянии справиться, и бегу трусцой вслед за Евой. За спиной скрипят распахнутые ворота.

— Ева! — снова окликаю я, ускоряя шаг. Наверное, я сейчас похожа на несчастного Смайка из романа Диккенса, когда он с хныканьем тащился за мистером Сквирсом. — Ева, подожди, прошу тебя!

Дочь продолжает изображать из себя глухую.